

Национальные ценности в контексте культуры постмодерна

Современный культурный процесс связан с процессами модернизации и вестернизации мира – последовательным вытеснением архаичных традиционных культур современной, т. е. западной культурой. И здесь возникает вопрос, как именно связана технологическая трансформация («модернизация») с «вестернизацией» национальной культуры. С. Хантингтон полагает, что первоначально процессы «вестернизации» и «модернизации» тесно переплетались друг с другом [4; 122–129]. Затем, когда «модернизация» охватит значительную часть производства, процессы «вестернизации» начнут уменьшаться, и местная культура начнет возрождаться, вследствие чего усилится привязанность к собственной культуре. Из-за того, что в процессе «модернизации» рождается ощущение отчуждения и аномии, на основе чего возникает кризис идентичности, попытка ответить на который дается в форме протеста против чужой культуры и возвращения к собственным истокам – национальной культуре и традиционной религии. Таким образом, «модернизация» и экономическое развитие не требуют культурной «вестернизации» и не порождают ее, а напротив, они способствуют возрождению коренных культур и возобновлению приверженности к ним [3; 88]. Именно «модернизация» и стабильное экономическое развитие обеспечивают доверие к собственному культурному наследию и тем самым ведут к более осознанному и настойчивому выражению культурной идентичности. И очень часто подобное возвращение принимает религиозные формы и антизападную направленность. Наиболее показательны в этом отношении мусульманские страны. Это делает тщетным ожидание Запада относительно того, что западная культура станет в ближайшем будущем единственной мировой культурой, что еще более обостряет конфликт между Западом и остальным миром.

Сегодня очевиден тот факт, что культура большинства населения представляет собой смесь различных неоднородных компонентов глобальной массовой культуры, связанной и распростра-

* Анастасия Васильевна Булатова – к. ф. н., доцент кафедры культурологии и дизайна Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).

няемой с помощью информационных технологий и элементов национальной культуры. Это касается всех, даже самых радикально настроенных против западной культуры стран. Проникновение и использование технологий разрушает систему национальной культуры, так как позволяет свободный или относительно свободный доступ к материальным или духовным ценностям и достижениям других культур, но что более важно, к образцам массовой культуры. Именно массовая культура легко заимствуется в виду ее понятности и доступности даже представителям иных культур. И это не только Голливуд и фастфуд, но и ставшие уже обычными в России суши и аниме. Система национальной культуры тщетно пытается сохранить уникальность и своеобразие через легитимные (например, фестивали и праздники) и нелегитимные формы (терроризм), но у нее немного способов сделать это в рамках современной культуры. Проповедь толерантности и плюрализма на одном уровне и мощные миграционные процессы на другом, приводят к хаотическому состоянию любую национальную культуру, включая и культуру России.

Постмодернизм в рамках современной культуры знаменует ее кризисное состояние, за которым невозможно предугадать пути будущего развития мира. Это своего рода культурный нигилизм в отношении больших смыслов в культуре, где происходит распад всех иерархий знания, вкусов и мнений, от какого бы то ни было сравнения с прошлым и, следовательно, с интересом, прежде всего, к локальному, а не к универсальному. Распад и размывание смыслов, законов, правил происходит на всех уровнях культуры, захватывает все системы культуры. Попытка избежать деконструкции, сохранить или сотворить конструктивное новое наталкивается на то, что это в принципе возможно, но абсолютно бессмысленно и может существовать только в рамках игры. Игра – это и есть форма существования культуры в рамках культуры постмодерна. Но игр много, очень много, а технологии еще больше преумножают их количество и их виртуальность, ненастоящность. И как итог, любая попытка сконструировать глобальную модель мира даже для одной маленькой национальной культуры становится бессмысленной. «Мир-хаос» – мир, лишенный единства, произвольно составленный из «археологических» слоев мировой культуры вперемешку с повседневностью. Возникла в этом мире и новая генерация человека, утратившего «рацию», ориентированного лишь на гедонизм и деньги.

В постмодернизме проявляется утрата доверия в культуре к принципу всеобщего прогрессивного развития человечества. В целом в постмодернизме становится очевиден тот факт, что к настоящему времени прежние лидерские идеологии (коммунизм, либерализм и пр.) потеряли прежнее влияние и фанатичных преданных

сторонников. Идеология воспринимается как игра, позволяющая достичь определенного результата, прежде всего, власти и экономического могущества. Результат этого мы наблюдаем сегодня: феномен «управляемой» демократии, например, и потеря доверия населения к каким-либо вообще идеологиям. Истощение идеологий приводит к высвобождению огромных социопсихических энергий, которые ранее формировались и структурировались ими. Сейчас же они аккумулируются ценностями потребительского общества, в рамках которого, упор делается на индивидуальное максимальное удовлетворение искусственных потребностей.

Происходит разрушение традиционных ценностей, на которых был основан «проект модерна» в Западной Европе: религии, государства-нации и доверия к демократии. «Состояние постмодерна» по Ж. Бодрийяру – это постапокалиптическое состояние, когда «приходит конец» историческим институтам, привычным человечеству по стадии «политической экономии», – производству, политическому представительству, революционному движению, диалектике; они не разрушаются насильственно, но незаметно заменяются подобиями, обозначающими их в «натуральную величину» и в «реальном времени» [1; 42, 52]. Порядок симулякров одерживает полную победу над реальным миром. Несмотря на пафос деконструкции, «проект постмодерна» формирует особую реальность, главное свойство которой симуляция (Ж. Бодрийяр). «Техносфера, идеосфера, видеосфера были развиты до такой степени, чтобы охватить реальность на всем ее протяжении и претворить в систему искусственных знаков» [5; 58–59]. Следовательно, незачем хирургически переделывать реальность – достаточно ее оптически подделать, а человек сам под нее подстроится.

Постмодерн проявляется сегодня через явление «мультикультурализма» – космополитической философии, которая отстаивает сохранение различных расовых, этнических и религиозных особенностей, в противовес идее «плавильного котла». Те группы и субкультуры, которые раньше считались маргинальными, выдвигаются на первый план, как субъекты политической деятельности и теоретического самовыражения – отсюда феминизм, гомосексуализм и др.

Отсутствие культуры большинства с ее четкими правилами заменяется иллюзией свободы. Перед современным индивидом лежит огромное поле разнообразных элементов культуры, из которого он вправе выбирать и отождествлять себя с чем угодно, и его выбор должен быть признан. Снятие противостояния между культурой большинства и культурой меньшинств порождает тенденцию к множественности ритуалов, к банальной жизни, к всеобщей дуальности и двусмысленности, к игре видимостями, к кар-

навальности, размыванию границ всего, а рациональная рефлексия замещается эмоциональной реакцией.

«Проект постмодерна», проецируя линию мультикультурализма, разрушает единое культурное пространство даже в развитых западных странах. «Чем больше человечество видит себя живущим на единой планете, тем больше необходимость для каждой культуры земного шара иметь свое уникальное наследие. Есть желание пробовать кухню друг друга, приятно одеваться в джинсы, наслаждаться иногда одинаковыми представлениями. Но если другой процесс начинает разрушать сферу более глубоких культурных ценностей, то люди вернутся к демонстрации своих различий, и это будет чем-то вроде культурного протеста. История каждой нации, ее язык и традиции уникальны. Поэтому парадоксально то, что, чем более похожими мы становимся, тем больше мы будем подчеркивать свою уникальность» [2; 175]. Причем амплитуда выражения и демонстрации своей непохожести на других может колебаться от декларативных заявлений до вооруженных конфликтов. При этом возникшие межнациональные и религиозные конфликты, как правило, носят затяжной и безвыходный характер. Эта борьба идет на уничтожение, а не просто ради материальных преимуществ и выгод.

Рассматривая сегодняшние мировые тенденции в контексте культуры постмодерна, связанные с межкультурным взаимодействием можно выделить следующие:

- Информационные технологии - основа происходящих изменений в рамках национальной культуры.
- Масштабные миграционные процессы меняют культурную картину мира.
- Стремление к регионализации – в стремлении географически или культурно близких стран к созданию сообществ, могущих помочь в противодействии внешним влияниям.
- Религиозный фундаментализм, возникающий вследствие размыва традиционных ценностей, сопротивления нарастающей сложности жизни и стремительности ее обновления. Сегодня понятие фундаментализма толкуется более широко, считается, что фундаменталистами являются все те, кто отвергает в принципе современные жизненные ценностные установки и стремится вернуться к основополагающим ценностям прошлого.
- Ответной реакцией на усиливающийся общемировой процесс интернационализации является усиление внимания к национальной культуре, языку, истории и в целом к духовной жизни. Национализм способен абсорбировать личное недовольство и неудовлетворенность отдельного индивида.

- Архаизация пространства – разрушение привычных индустриальных форм организации социального пространства, попытка возврата к доиндустриальному традиционному способу жизни.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
2. Нэсбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: Год 2000. – М. : Республика, 1992. – 415 с.
3. Хантингтон С. П. Запад уникален, но не универсален // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 8. – С. 84–93.
4. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций // Pro et contra. – 1997. – № 2. – Т. 2. – С. 114–154.
5. Эпштейн М. Постмодерн в России. – М. : Изд-во Р. Элинина, 2000. – 398 с.